

ИДИ, ЕСЛИ ОСМЕЛИШЬСЯ

И ЗАВТРА
БУДУТ ПЕТЬ
ПТИЦЫ

ЗА ОКНАМИ ПАРИЖА ГУСТЫЕ ДЕРЕВЬЯ СКРЫВАЮТ ТЕМНУЮ
ТАЙНУ

16+

АЛЕКСА ДЕХААН

Алекса Дехаан

И завтра будут петь птицы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61656287

SelfPub; 2020

Аннотация

История о братской любви или равнодушии. Падение из одной крайности в другую братьев Эстеве и Марсея, и их дерганой матери. Добродетель, данная другу, который благодарит тебя смертельным ударом в спину. Будут ли птицы петь завтра, если ты сегодня уйдешь?

Содержание

1	4
2	16
3	19

1

Стук в дверь внезапно приводит Эстеве в чувство. Вода из крана тяжело и плавно выплескивается в белую ёмкость. Она падает мелкими каплями на лицо и ночную одежду. Оставляет более темные пятна, которые мгновенно впечатывают образ красочного далматинца, ласкающего руку прохожему. Его слегка хриплый лай сразу же вспоминает Эстеве. Теперь вы видите площадь Карделье, она видна вам как только ступите пару шагов к распахнутому окну. Корделье полна шума несговорчивых рыночных торговцев, которые постоянно кричат во все стороны, чуть не срывая свой тонкий голос, а такими были, конечно, рыбаки, их вы ни с чем не спутаете. Непременно услышите быстрый и беспорядочный топот лошадиных копыт и неуклюжих телег.

Повсюду грязь и даже кровь течет ручьями из мясных рядов. Зажми нос и закрой глаза. Картина великолепного города затмится в ваших мыслях, и вам покажется, что из всех городов мира, по подземным трубам, нечистоты сливаются в Париж. Сделайте еще один шаг, и вдруг вас окутает благоухание счастливой Аравии или, по крайней мере, цветущих лугов Прованса: это значит, что вы пришли в один из тех магазинов, где продаются духи и губная помада, которых здесь очень много. Одним словом, шаг и новая атмосфера, новая роскошь или самая отвратительная грязь. Так

что вам придется называть Париж самым великолепным и самым отвратительным, самым благоуханным и самым вонючим городом. Улицы без исключения узки и темны от громадности домов, славный Сент-Оноре самый длинный, самый шумный и самый грязный.

Шум постепенно стихает, но стоит вам приблизиться к нему и звуки становятся чрезвычайно четкими и громкими. Запахи переплетаются каждый раз по-своему, меняются и приобретают старую привычную форму. Резко отделяется и становится отдельным, единственным в своем роде запахом, способным мыслить как живое существо. Обрекая себя на верную смерть в трущобах Парижа. Запах, уж можете не сомневаться, не дойдет до богатых областей, но исчезнет на полпути к ним, где он останавливается на искусственных запахах очарования, духота которых поглощает каждую несущую мелочь.

Выезжайте сейчас же из Парижа, выбирайте любую дорогу, и вам непременно встретится множество телег с нечистотами, и в любой момент вы можете учуять зловоние от кучи мусора. Гнилостные эманации отмечают все въезды в столицу. Вскоре, задолго до того, как будут видны вершины памятников и крыши зданий, обоняние даст вам знать, что вы приближаетесь к первому городу на свете.

Едва подоспело утро, солнечные блики уже пробираются через окно. Они бегут вниз по стене в мягком, нежном ветерке. Яркий свет сливается и дрожит на прохладном ка-

фельном полу, как будто все не может решить, куда идти. Эстеве держится за раковину. Костяшки его пальцев побелели, а глаза крепко зажмурены. Наконец блики догоняют пятки, которые неподвижны и поначалу казались непреодолимым желанием, теперь дразнящим беспокойным светом дня. Эстеве открывает глаза и видит мир сквозь призму неистового калейдоскопа. Каждую наносекунду изображение сменяется другим, непохожим на предыдущее. Где-то вдалеке слышен океанский водопад с терпким запахом зелени. И он наносит последний удар по щеке, скатываясь вниз, как настоящая слеза. В одно мгновение Эстеве просыпается, и водопад тут же превращается в один тонкий ручеек, который неумолимо ищет выход из узкой раковины, чтобы разлиться по всему миру.

Он закручивает кран и тянется за полотенцем, висящим на плоском гвозде. Он выходит в темный коридор, который тянется по обе стороны от него и поворачивает направо. Наконец он поднимается по лестнице, ступеньки скрипят и издают звук натягиваемой лески. Эстеве проводит рукой по шероховатой поверхности перил, и вдруг острая древесина ударяется о тонкую кожу и ложится ему на ладонь. Он попятился, сделав пару шагов вниз. Протягивает руку и высоко поднимает ее. На лоб Эстеве падает капля крови, потом вторая и третья. Он хмурится и пытается их убрать. Но вместо этого он просто размазывает кровь, не решая проблему. Теперь, если бы он увидел себя в зеркале, он определенно

вспомнил бы краснокожих индейцев, настолько он был похож на одного из них.

Быстро моргая, Эстеве колебался. Он смотрит на свою руку, уже покрытую запекшейся кровью, которую можно оторвать и раскрошить, как засохшее печенье, потом на дверь своей комнаты. Его размышления были прерваны появлением Марии, его матери. Она держала за руку маленького Марселя. В свои четыре года Марсель выше своих сверстников. Будучи самым высоким мальчиком среди других детей в округе, он по-прежнему хорошо играет в прятки. Скорее самый хитрый. Марсель всегда знал, как обыграть любого, поэтому он прятался в таких местах, о которых никто и не подумал бы. «Если хочешь хорошо спрятаться, спрячься в самом видном месте, поближе к тому, кто водит» – говорил он. Иногда ответы этого умного ребенка вводили взрослых в заблуждение. После этого они оставались в недоумении до конца дня.

– Ушибся? – Мария взяла Эстеве за руку и внимательно осмотрела ее. Она оторвала кусок ткани от своего платья. От этого звука у Эстеве мурашки побежали по коже, он поморщился, прищурился, сморщил нос и немного отодвинулся от источника звука. Марсель же был вне себя от радости. Он никогда не видел, чтобы его мать так легко рвала ткань и была так беспощадна к последнему одеянию.

– Тебе больно? – она обернула тряпку вокруг руки. Эстеве покачал головой. Марсель придвинулся поближе к брату и

увидел, как платье матери превращается в повязку для оказания первой помощи. Он улыбается во весь рот, показывая зубы, и смотрит на мать и Эстеве с пылким выражением лица.

Эстеве поворачивается, уверенно поднимается по лестнице и входит в комнату. Сначала он осматривает ее, потом подходит к кровати. Неужели он оставил здесь драгоценную трубку? Может быть, Марсель забрал ее, чтобы показать друзьям? Но это не так. В следующий раз я спрячу трубку. Мария приводит Марселя в комнату, ведя его перед собой, держа за плечи. Эстеве все еще стоит с трубкой в руке, вертит ее, наблюдая, как блики весело мерцают на гладкой кедровой поверхности. Поворачиваясь, он вздрагивает, чувствуя спиной стену. Лицо его разгладилось, и кажется, что он помолодел на несколько лет, его багровый румянец напоминает детское личико. Недолго думая, он сразу же идет к Марселю. А тот с интересом за ним наблюдает, и ловит каждое движение. Его глаза широко раскрыты и полны любопытства, иронии и наивности. Этот взгляд чаще встречается не только у детей, но и у взрослых мужчин, которые выпили всякой дряни и теперь плачут в душу близкого друга. Эстеве прикасается к его плечу, сжимает рубашку цвета бедра напуганной нимфы и притягивает к себе, отделяя от матери.

—Это ты?— Он смотрит ему в глаза тем суровым взглядом, который Марсель называет лошадиным пятнистым холмиком изюминки. Он особенно любит лошадей и всегда прово-

дит рукой по блестящему конскому волосу.

– Что я?– словно ошеломленный податливым вопросом, Марсель несколько разочарован. Лицо ребенка больше не было круглым, и теперь он внимательно прислушивался к звукам, доносившимся с улицы. Особенно он слышит пение птиц, таких крылатых и важных. Они сидят кучкой на длинных, крепких ветвях деревьев, почти падая с них в комнату, потому что ветви без стыда упираются вилами в стену дома и открытое окно. Улыбка исчезает и он уже не такой хороший мальчик Марсель.

–Ты взял трубку? – Эстеве раскрывает ладонь с трубкой, цвет которой уже не такой темно-бордовый, а скорее черный, как тени огромных домов. Кажется, она стала немного неровной.

–Вот эта, – говорит он, поднося ее поближе к Марселю, чтобы убедиться, что трубка не для игры. – Когда я уходил, трубка лежала на столе.

Когда Эстеве серьезен, он кажется холодным, отстраненным человеком. Его глаза похожи на две подвешенные тени, неуверенно танцующие в глазницах, выражающие пустое безразличие и невинность. Но они полны знаний и понимания некоторых слишком сложных задач, большинство не способных решить многие взрослые. Вы можете почувствовать тяжесть в его темно-синих морских глазах, как будто какая-то тяжесть присутствует в его душе. Он всегда хотел быть океаном или, по крайней мере, морем, таким же непо-

стоянным, как и он сам. Он объяснял это тем, что тогда он мог бы быть свободным и вольным быть везде. Истина для Эстеве-океан, и только в нем он может найти утешение. Природа наградила его аккуратным аристократическим носом, и грех им не гордиться. Но Эстеве гордился не носом, а волосами. Это, вероятно, одна из самых ценных вещей, которые вы всегда можете иметь с собой, их легко носить с собой. Его светло-каштановые волосы встретились в змеином поцелуе посередине, отскочив влево, как сочный лист молодого плода, и разделившись на затылке. Их великолепие – не что иное, как нежная забота. Движения его были не детскими, а осознанными. Временами Эстеве впадал в крайности, действуя опрометчиво и глупо. Скорее, движения его тела сравнимы с полетом орла, столь же мощного и хищного, но в то же время мягкого, как размах крыльев в высоту. Как только вы его подбадриваете, он тут же меняет преграду на открытую дверь и привлекательную улыбку, яркое солнце светит из глаз, а печаль куда-то исчезает и покидает его. Серьезность корабельной баржи спадает с его лица. Эстеве по-щенячьи ласкает каждого, кто осмеливается заговорить с ним и вступить в дискуссию. Милые дамы всегда стреляют кокетливыми глазками в его задницу. Да не только дамы пялятся на него, когда он в момент наивысшей точки страсти, показывает себя истинным ценителем жизни.

– Я не прикасался к ней, я не прикасался к ней, – кричал Марсель на всю комнату, он упрям и обижен, и в ответ тоже

сжимал его предплечье. Его усилия небольшие, но очень аккуратны. Кажется, что он взорвется и задымится из горячего жерла вулкана. Сколько бы Эстеве этого не ждал, но этого не происходит. Марсель сверкнули, как красно-зеленая лампада, рот изогнулся дугой вниз, а уголки рта дернулись, словно невидимый незнакомец дергал за ниточки, ненасытно смеясь над развернувшимся зрелищем. – Мам, скажи ему.

– Хватит, – Неожиданно разгоревшаяся драка закончилась так быстро, что оба мужчины ослабили хватку, и Эстеве с братской любовью, словно защищая Марселя, притянул его к себе, сжимая рукой. Мария только что запатентовала их ссору и увековечила ее навсегда. Она упирает руки в бока и смотрит на детей усталым, знакомым взглядом уличной кошки. Она отводит всех в сторону, но Эстеве, кажется, не хочет отпускать Марселя и некоторое время прижимается к нему, как будто у него отнимают последний кусок хлеба, и успевает поймать первую скатившуюся слезу. Через мгновение Мария осознала отражение всей комнаты, неубранную постель, над которой медленно порхали комки пыли, очень похожие на июльских бабочек. Эстеве подходит к окну, ставит ногу на раму и хлопает себя по карману, не поднимая головы, чтобы найти коробок. С силой прижимает серный кончик спички, ведет вниз по склону и, искра вспыхивает ночным заревом, распространяется запах гари. Дым достигает Марселя, и он кашляет, трет глаза кулаком и одновременно вытирает слезы.

–Ты присмотришь за ним?– она показывает на ребенка. Эстеве невинно смотрит на них, потягивая трубку. Он сводит вместе два пальца, указательный и средний, все измазанные чернилами, подносит их к виску и резким движением машет рукой вверх.

Мария уходит, оставляя Марселя. На столе, среди беспорядочно разбросанных бумаг, лежит зеленое яблоко. Когда Марсель видит его, ему хочется облизать губы. Кожа восхитительного плода блестит полировкой. Он берет его, чувствует его вес, его острую гладкость. Широко раскрыв рот, он впивается в него острыми зубами, откусывая кусочек. На палец и дальше льется кисло-сладкий сок, капает на пол. Вкусовые рецепторы заряжены энергией, восхитительно возбуждены. Подушечки пальцев крепятся к мягкой мякоти, которая имеет структуру моющей губки, как будто она похожа на сыр, со множеством отверстий. Под давлением прессования липкая мякоть расплющивается, меняет форму и теряет божественный сок, который может напоить рой шипящих пчел. Сначала вы почувствуете кислый, покалывающий язык вкус, вам захочется выплюнуть его как можно скорее. Ваше нутро будет возбуждено и потеряно в пространстве, и вам будет казаться, что вы способны извергнуть эту беду безудержным огненным пламенем. Затем его сменит приятная сладость клубничного пирога с ванилью, наливной красной и розовой брусники. Вы найдете это настоящим удовольствием. Хорошие вещи никогда не длятся долго. Поэтому они,

как правило, быстро заканчиваются. Но кто мешает вам пойти и купить второе яблоко? Хорошие вещи достаточно хороши, чтобы прожить всего пару минут, разве это не здорово? Видеть жизнь, которая рождается только для того, чтобы умереть, и умирает для того, чтобы вновь родиться. И быстро исчезнуть, тогда вы будете желать их снова с большей силой. И в любом случае, законно это или нет, вы найдете его. Какова цель преследования этих мелочей? Ведь на то она и мелочь, чтобы быть неважной. Гол за гол? Или ради восхижительного момента его дегустации?

Счастливое дитя улеглось на кровать. Он скрещивает ноги, закидывает руку за голову, проводит короткими пальцами по густой пряди волос и лукаво смотрит на Эстеве. А другой кружит по комнате, словно высчитывая шаги и бормоча себе под нос заклинания. Он попеременно то ерзает, как телега, застрявшая в болотистой грязи, то бросается к столу с больной лихорадкой, как будто получил хороший пендель. Подобно Святому епископу, Эстеве тщательно, но небрежно печатает буквы. Со временем они показывают образ разумных слов, их можно сложить вместе и получить стих. Видишь, он опять ходит по кругу. Его шаги широки, но он, кажется, не замечает этого. Все его сознание было далеко от того места, где оно было, затуманенное и разбитое вдребезги. Связь между телом и душой, вероятно, уже потеряна.

Тревожные и умоляющие удары молотка по двери гулко отдавались по всему дому, расшатывая стены. Но все же

были достаточно слышны, чтобы их можно было заметить. Ножки стула закрипели, когда боль ударила в твердую половицу. Эстеве навострил ухо. Он спустился к входной двери. Когда он открыл ее, ржавые крюки запели в вышине какую-то нелестную песню. Порывы ветра приоткрыли дверь еще немного, как будто они были рады услышать голос крюков. Стопка мокрых волос, словно на холмистой линии, поднималась и опускалась, вибрируя с невысказанным звоном.

– Антонио бьют на углу чайного домика, – игриво манит рукой босоногий мальчик, не старше Эстеве, машет ему и делает непонятные жесты какого-то неизвестного характера.

По направлению к северо-западной узкой тропинке, ведущей к чайной господина Жермена, двое детей, столь непохожих друг на друга, что они казались остатками сумерек, бежали вдоль тысяч и тысяч одинаковых окон, которые представляли однообразную и скучную долину, похожую на страшное мгновение воли. Один был невысокий, с носом картошкой, припухшими веками, прямыми бровями, которые сливались с цветом его кожи и угловатым, четким подбородком. Другой – высокий, с правильными чертами лица и выразительным глубоким взглядом. Один из них поразительная теплота и веселье Африканского континента с его задорной атмосферой, сухими песками пустыни и дикостью, вызванной жаждой сытости. Второй – это цепь холодных огромных гор, покрытых снегом крутых склонов, покой которых поражает тягостной тишиной и бездеятельностью.

И вдруг проваливается в грозную, безликую бездну.

2

В столь крохотной комнатке Марсель расслабляется. Оставшееся яблоко скатывается на серую хлопчатобумажную простыню и застывает. Глядя на повторяющийся узор на полу, его глаза судорожно трепещут, затем, когда хрупкий лепесток цветка падает, ресницы соприкасаются. Что-то легкое ударяет, красочные всплески удивления движутся, поют в рассеянном вое. Марсель узнает запах и просыпается от сладкого сна.

–Птичка, птичка, – голосит он и бежит к ней. – Ой, какая птичка, тебе надо вернуться к маме, – птенчик пищит, что даже уши закладывает. Он такой беззащитный, брыкается лапами и розовыми крыльями. Он полностью помещается в не менее крошечной руке Марселя. Он нежно прижимается к малышу, вытягивает губы трубочкой и целует его в головку. В ответ цыпочка раздражается слезами. Его обнаженное тело испускает такой жар, после которого хочется бежать и прыгать в зеркальную реку.

Марсель стоит на раме, держа птенца одной рукой, а другой хватаясь за стену. Буйное великолепие деревьев и густонаселенных обитателей делает невозможным найти и даже понять, в каком направлении расположено гнездо. Прохладный ветер и солнечные лучи, спадавшие с деревьев, весело падали на лицо Марселя, и казалось, что нет ничего прекрас-

нее этого ребенка. Его глаза, смотревшие на вас с такой беспричинной надеждой и радостью, тронули бы вас, разрушив вашу взрослую покладистость. Вы, конечно, подумали бы о Марселе как о Посланнике Бога. Он мог бы открыть шкапу с вашими грехами и высыпать их на землю. Вам было бы стыдно за себя. Сломавшись, переступив черту, колени согнутся без вашей воли, руки милостиво соприкоснутся в куполе, глядящим в небеса. И вы, как беженец, кланяетесь ему в ноги. Его завитки на концах прядей, падают на слегка выпуклый лоб, закрывают уши и почти касаются плеч. Они попеременно меняют цвет, иногда смешанный, иногда красный, как край лодки, синий, как новые обои, зеленый-цветущий, как вода в день июньского солнцестояния, затем белый, как скатерть на столе его отца. Какое слово может дать точный образ Марселя? Зоопарк. Прямо в яблочко. В самую его сердцевину. Марсель больше похож на жирафа. Его кожа и каштановые волосы с щепоткой золотистого осеннего листа, образуют точную картину жирафа. Щеки. Они от бегемота. Нет, они не толстые. Довольно гладкие, блестящие, как сырая кожа. Брови – это крыло любой птицы. Марсель по-своему птица. Только бескрылый. Его жизнерадостность так проста, без структур и глупых сложностей, которые еще больше вводят в заблуждение. Бог был необычайно щедр, принося свои дары в жизнь других людей.

Марсель хватает одну из веток и кладет птенца рядом со взрослыми птицами. Возвращаясь назад, неустойчивая часть

рамы разрушается и падает вниз. Его нога соскальзывает с упругой поверхности раньше, чем он успевает что либо сделать. Он падает, как камень. И приземляется на холодную землю. Падение сопровождалось грохотом падающих мешков, похожим на хлопок горящего воздуха в искусственно созданном вакууме. Он ложится животом на траву, голова повернута вправо. Густая мраморная кровь обтекает их черной полосой, словно нимф. Его рот слегка приоткрыт, как будто он собирается сделать глубокий вдох, встать и пойти домой, чтобы доесть Яблоко. Понимает ли Марсель, что с ним произошло?

3

«Вспомнишь ли имя моё, оказавшись на небесах? Возьмёшь ли за руку меня, узнаешь ли меня? Там, на небесах?»

Эстеве : Я вступил в танец, сотканный из прошлого и тесно, почти незримо, переплетенный с настоящим и будущим. Я нашел волну, на которой снова смог его понять. Я был где-то далеко от мирских дел и проблем. Я словно плыл в знакомой неизвестности, но не узнавал её. Сосредоточился, направил все свое внимание на Марселя. Как будто я вернулся в прошлое и стал самим собой. Жадно впитываясь внутрь Марселя. Смеялся ненасытно, до кровавых колик в животе. Как могло прошлое вернуться ко мне? Почему это привело нас лицом к лицу как врагов? Она безжалостно швыряет нас по кругу, называемому Адом. Вечер сначала тревожный, движимый Божественной игрой, а затем ужасно безумный. Судный день, который воистину тождественен, настал. Все внутри перевернуто вверх дном и ужасно запутано. Звезды смотрят вниз на голову и навощенные глаза, руки и все тело. И они мягко мерцают в темноте, бесконечно пульсируя над куполом. Марсель тоже может стать звездой и светить мне каждую ночь, где бы я ни очутился, из плотной ткани, в узком обрамлении покоящейся на краю Вселенной.

Когда Марселя внесли в дом и оставили одного в комнате, я подошел к нему. Я взял его за руку. Он был похож на

раскаленный свинец с серебристым отливом металла, и чем дольше я держал его в руке, тем тяжелее он становился. Тепло все еще излучалось и вибрировало на моей холодной, серой Нью-Йоркской ладони под проливным дождем. Он увеличивался, когда достигал пика, и ослабевал, когда падал. Скорость и частота этих удивительных вибраций оставались неизменными, но постепенно сдавливали меня, и после этого я уже не чувствовал своей руки до локтя. Как будто Марсель пытался забрать мою жизнь через наши прикосновения. Я был взволнован его упорством и он добавил масла в огонь моего начинающегося кошмара и очарования последующих дней. Мое сердце билось все быстрее и быстрее, а шестеренки крутились и жужжали от адреналина. Я изнывал от жары, и дым поднимался от меня, как от паровоза Чарли Чу-Чу, к сырому потолку.

Страшное лицо Марселя было покрыто нетронутой массой невообразимых мазков кривым ножом. Он вселит в вас ужас, как только вы взглянете на него. Думаете, то, что находится в комнате это Марсель? Милый маленький Марсель с большой душой, апельсиновым смехом, разбрызганным цитрусовым соком, и выщипанными волосами? Определенно нет. Это не может быть Марселем. Все, что делало Марселя им, больше не существует. Как не существует и самого Марселя. Его лицо, совсем не человеческое лицо. Теперь это безжизненный горный слой. И пластмассовая голова раскрашенной куклы, единственное, что она может сделать, это имитировать

тировать жизнь. Но не для того, чтобы быть жизнью, полной препятствий и Великих Побед. Есть только ее разновидность, смутно похожая, но все же Арктическая. Его тело и голова такие забавные. Как будто они из разных наборов. Поэтому они несопоставимы по пропорциям и материалу. Верхняя часть представляет собой застывший жидкий воск, а нижняя — очень правдоподобную ангельскую статую. Марсель непреклонен. Все тело находится в самом жестком тону. Кажется, он высечен из камня и скоро будет покрыт мелом. Он похож на одну из статуй, которые стоят в колонне во Дворце. Может быть, его выбрали в качестве сотрудника и дали одну из должностей в колонне, которую он так хотел и срочно принял эту должность, забыв сообщить об этом своей семье?

Ясно, что все, что когда-то было живым, покинуло Марселя. Он поднялся в воздух. Вперемешку с картиной Парижа. Теперь он был Парижем, счастливой Аравией, цветущими полями Прованса и всеми птицами мира. Должно быть, он мне где-то улыбается. Приготовления к похоронам и убитые лица матери и сестер казались мне странными, но не менее интригующими. Все вокруг упрекали меня в бесчувственности и неуважении к общему горю. Все были обеспокоены, но не я. Я единственный, кто не оплакивал Марселя ни на девятый день, ни на сороковой, ни на первый. Такое пристальное внимание со стороны пришедших на поминальный пир, к моей игривости, еще больше заставляло меня двигаться и

крушить все вокруг, не успокаиваясь ни на минуту. Ситуация менялась ежечасно благодаря моим хаотическим содроганиям. На площади Корделье по-прежнему шумно. Она вяло двигалась в вихре времени. Ни площадь, ни мир не изменились после смерти Марсея, но продолжали набирать скорость, устремляясь в супер новые технологии, которые догоняла наша глупая колыбель. Наступила ночь. Луна катилась к облачному горизонту. Огни в домах погасли, как пламя, и река потекла прочь от них.